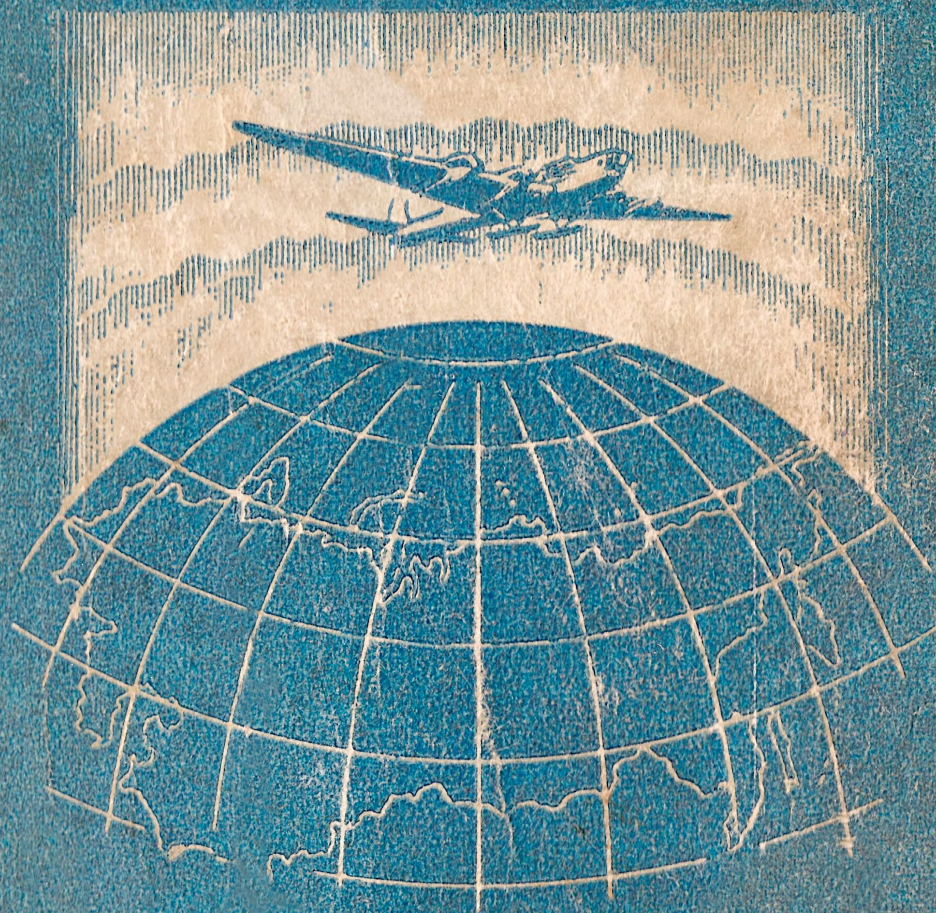

39.5г
В 62

М.В.ВОДОПЬЯНОВ

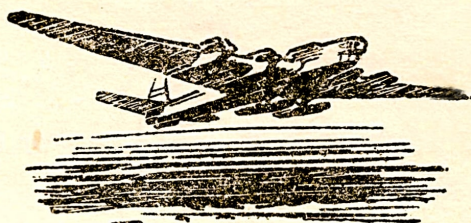

ПУТЬ
ЛЕТЧИКА

М.В.ВОДОПЬЯНОВ

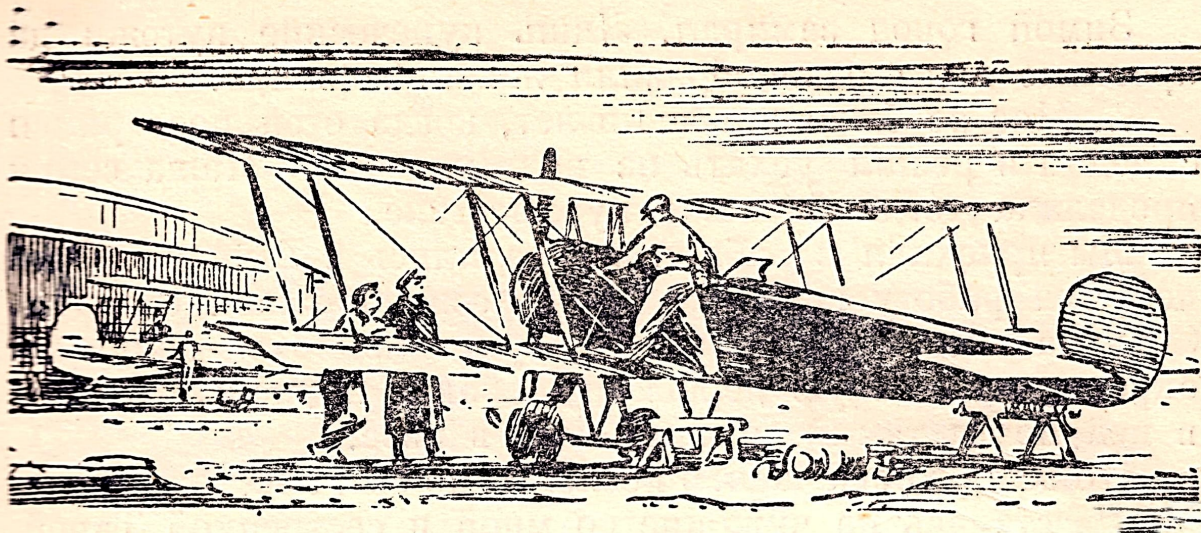
ПУТЬ ЛЕТЧИКА

Министерство культуры СССР—Главиздат

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
~~ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ~~ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1953

Глава первая

В ДЕТСТВЕ

Родился я в 1899 году в селе Студенки Липецкого уезда б. Воронежской губ. в бедной крестьянской семье. Почти все жители села, в том числе и мои родители, были неграмотными.

Несмотря на близость села к Липецку, никто из крестьян не ходил ни в городской театр, ни в парк, где летом по вечерам играл оркестр. Все это предназначалось для развлечения «господ», которые съезжались со всей России лечиться на знаменитых липецких грязях.

Катаясь на лодках по тихой, прозрачной реке Воронеж, «господа» любовались городом, живописно раскинувшимся по холмам и берегу огромного Петровского пруда.

На самом высоком месте города стоял собор, куда мы с бабушкой часто ходили молиться и слушать церковный хор. От Соборной площади, Дворянской улицы и Верхнего парка дорога спускалась в Нижний парк. Посреди дороги до сих пор красуется трехгранный шпиль, воздвигнутый в память приезда в наш город Петра I, а в Нижнем парке сохранилась кузница, где Петр показал местным жителям свое искусство кузнеца—он отковал здесь подкову.

Внизу, где круглый год били ключи, была выстроена часовня. Через нее проходила родниковая вода. Каждый приезжий или прохожий мог зайти и напиться, конечно за плату, «святой» воды.

Зимой город замирал. Лишь купеческие кутежи да крестные ходы разнообразили жизнь горожан.

... Мне не было и восьми лет, когда отец поссорился с дедом и решил уехать из родных мест. Наша семья проделала тогда большое путешествие.

Мы приехали в Сибирь и поселились в Тайшете. Отец получил работу грузчика на железнодорожной станции. Сначала все сложилось как будто неплохо—сняли на окраине маленькую деревянную баню и расположились в ней почти так же удобно, как в избе.

Но вскоре совершенно неожиданно был арестован отец. Мать осталась на чужбине со мной и сестренкой Таней, которой не исполнилось еще и года.

Мы ничего не знали о судьбе отца. Мать ходила на поденную работу, выносила на станцию к приходу поездов пирожки своего изготовления, при виде которых у меня только слюнки текли. Жизнь наша, и прежде небогатая, теперь стала просто тяжелой.

Через год из иркутской тюрьмы пришло письмо от отца. Как ни странно, оно было написано им самим, хотя отец был неграмотным...

Разгадка содержалась в письме. Отец писал, что сидит вместе с «политическими», которые выучили его грамоте, и просил мать приехать к нему на свидание.

Мать сразу же собралась и уехала с сестренкой в Иркутск. На другой день после ее отъезда пришел к нам сосед, дедушка Медведев, а с ним—не знакомый мне человек.

— Мать дома?—спрашивает меня Медведев.

— Нет, к отцу уехала.

— Мы пришли нанимать тебя вот к этому дяде гонщиком лошадей.

— Сколько тебе лет?—спрашивает незнакомец.

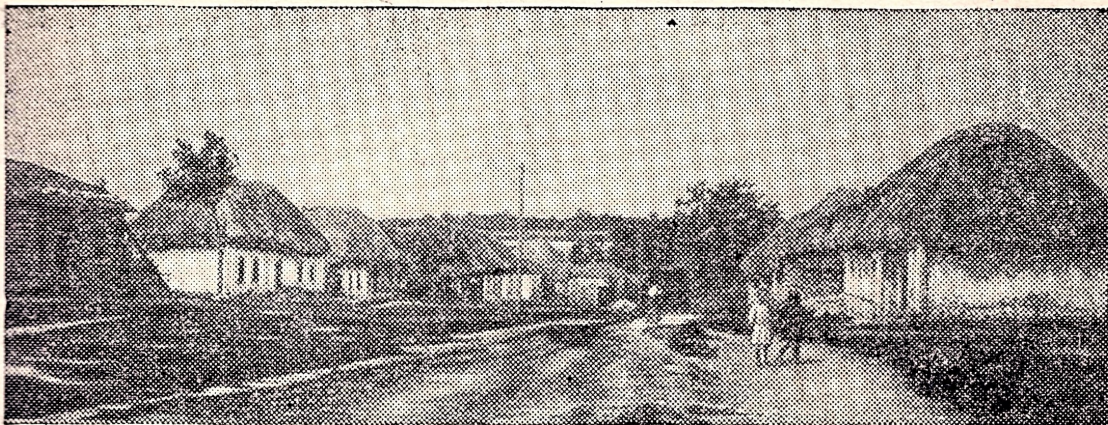
— Девять.

— Лошадью править умеешь?

— Умею, я еще в деревне правил.

— Хочешь поехать ко мне? Песок возить будешь. Тебе насыплют, а ты отвезешь, куда укажут, свалить помогут свальщики. Вот и вся твоя работа. Пять рублей жалованья положу на готовых харчах.

«Пять рублей, да еще и харчи!..»—обрадовался я и сразу же согласился. Попросил дедушку Медведева ска-

1907-й год. Село Студенки.

зять матери, куда я уехал, и отправился со своим хозяином на песчаный карьер.

Работа в самом деле оказалась не тяжелой, но вставать приходилось в четыре часа утра. А по праздникам я должен был нянчить хозяйского сына.

Работал я хорошо, только очень тосковал без матери. Беспокоился, вернулась ли она из Иркутска.

И вот подъезжаю я раз к забою, а там стоит моя мать и в руках держит сапоги. От радости у меня слезы закапали.

— Не плачь, сынок, — сказала мать, — смотри, какие я тебе сапоги привезла — новые, четыре рубля отдала!

Какая это была радость! Но недолгим было наше свидание, и я вновь остался с чужими людьми.

Осенью хозяин рассчитал меня, но не доплатил рубль, а кроме того, вычел четыре рубля с полтиной за одежду — рваную телогрейку и другое тряпье. На руки пришлось лишь семь рублей. Один из рабочих попробовал вступить за меня, но хозяин не прибавил ни копейки.

Завернул я деньги в портянку, чтобы не украли в дороге, и поехал в Тайшет. Помню, как я приехал на станцию и помчался домой. Перед самым домом разулся и вынул из портянки деньги.

Мать жарила пирожки, когда я ворвался в баню. Не здороваясь, я торжественно передал ей деньги и с гордостью заявил:

— Я бы еще больше привез, если бы хозяин не обсчитал!

Мать была очень довольна моим приездом. Трудно ей

приходилось одной: и пирожки надо было продавать, и за сестренкой смотреть.

Вскоре меня отдали в школу, но проучиться пришлось недолго: ударили сибирские морозы, а у меня не было теплой одежды.

Настала весна. Много раз я наблюдал, как по тракту шли люди, осужденные на каторгу. Измученные, закованные в кандалы, они часто падали, а конвоиры били их, заставляя идти вперед.

Однажды поднялся переполох. Гнали большую партию политических и уголовников. Каким-то образом группе арестантов удалось разоружить конвоиров и убежать в тайгу...

Летом мать снова уехала к отцу, и началась моя вольная жизнь. Гулял я с товарищами до позднего вечера. Ходили на рыбную ловлю, в лес, играли в бабки. Дело было летом, а дня нехватало...

И в это время случилась встреча, запомнившаяся мне на всю жизнь.

В таежных чащах, со всех сторон окружавших Тайшет, уже появились грибы. Не сошли еще и ягоды. Бродить по глухим местам было для нас большим удовольствием. Кроме того, за ведро ягод можно было получить деньги.

Идем как-то с ребятами по тропинке и вдруг слышим чей-то стон. Двое из нас испугались и помчались домой. Преодолевая страх, я предложил двоим оставшимся:

— Давайте посмотрим, кто там стонет.

Долго мы стояли, не решаясь двинуться с места. Опять послышался стон. Набравшись храбрости, мы пролезли сквозь густой кустарник.

На земле в неловкой позе лежал человек в кандалах. Мошкара облепила его лицо.

— Беглый,—тихо сказал Витя Сомов.

Каторжник посмотрел на нас как бы невидящими глазами. Казалось, ему было все равно, выдадим мы его или нет.

Я подошел ближе и робко спросил:

— Дядя, ты убежал?

Он не ответил. Потом произнес, едва ворочая языком:

— Пить...

С этой минуты страха у нас уже не оставалось. На смену ему пришло совершенно новое чувство ответственности за жизнь человека. Его судьба была в наших руках. Мы одни могли помочь ему или дать погибнуть, и, разумеется, мы не выбирали.

Самый старший из нас—Андрейка—немедленно послал меня за водой на лесное озеро.

Когда я вернулся с ведром мутной, зеленоватой воды, беглец был уже переложен на подстилку из ветвей и мха. Тут только я заметил, что у него плечо в крови. Ребята перевязали раненого кусками его же собственной рубахи. Андрейка хотел было отобрать у меня ведро и дать человеку напиться, но я не мог этого допустить: раз я ходил на озеро, да еще по дороге упал, разлил воду и возвращался обратно, то уж имел право напоить раненого сам.

С той минуты как я поднес к его губам воду, мы не расставались несколько дней.

Мне до сих пор обидно, что я был тогда слишком мал: многого не понял, многое забыл. Помню, что сделал из веток шалаш, разводил костер, собирал ягоды, грибы и даже сварил как-то раненому грибную похлебку, которую и сам еле смог попробовать.

Мы довольно много разговаривали. Раненый расспрашивал меня о жизни, о семье, а я однажды, расхрабрившись, задал ему прямой вопрос:

— А за что вас, дядя Петя, арестовали? Убили кого или украли?

Он только улыбнулся и сказал мне, что никогда не крал и никого не убивал, а его, как и многих других людей, заковали в кандалы за то, что они хотят переменить порядки: отнять у богачей землю и заводы и сделать жизнь хорошей для всех простых людей.

Я слушал его, затаив дыхание. Еще никто никогда не разговаривал со мной так серьезно и тепло...

Раненый быстро поправлялся. Тяжелое состояние, в котором мы его нашли, объяснялось не столько ранением, сколько голодом и жаждой. Андрейка и Витя приносили из города продовольствие. Одно только беспокоило нас: нужно было избавить каторжника от кандалов и достать для него приличную одежду.

Путем невероятной изворотливости удалось раздобыть в городе напильник. Потом достали сапоги, фуражку,

куртку и штаны. Принесли ножницы, и беглый аккуратно подстриг себе бороду. Освобожденный от кандалов, одетый, он оказался красивым, статным мужчиной лет сорока.

— Совсем на каторжника и не похож!—восхищенно заметил Андрейка.

— Мне бы только до Красноярска добраться,—говорил раненый.—Там у меня друзья. Они и паспорт добудут и укроют на время...

Наступил час прощания. Мы стояли у потухшего костра, среди густых сосен и кедров. Так не хотелось расставаться с днями, полными тревог и волнений. Игра в бабки и прогулки в лес уже не привлекали.

— Дорогие ребята,—сказал на прощанье наш друг,—я вас никогда не забуду. Но мне хотелось бы, чтобы и вы помнили меня. Настанет день, когда люди, на которых теперь надевают кандалы, победят. Тогда вы станете постарше и, может быть, даже будете гордиться тем, что помогли мне. Спасибо вам, мои дорогие товарищи.

* * *

Прошло много лет. Время стерло из памяти чудесные беседы у костра, но я будто и сейчас вижу перед собой шалаш, внимательные лица моих маленьких друзей, слушающих дядю Петю... В его словах было что-то такое, отчего необычайно взволновались наши ребячьи души. Мы впервые узнали о том, что в нашей стране есть люди, которые, не жалея своей жизни, борются против угнетения народа.

Я—ЛЕТЧИК

Октябрьская социалистическая революция смела всю нечисть купеческо-дворянского Липецка. Вернувшись в родные места, я впервые услышал слово «большевик». Конечно, тогда я еще недостаточно понимал великое значение этого слова. Солдаты, мои односельчане, прибывшие с фронта, называли богатых горожан из Липецка буржуями, чиновников и дворян—кадетами; себя же они считали большевиками...

На огромном поле близ Липецка обосновалась авиационная часть—дивизион воздушных кораблей «Илья